

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-122-131

**ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ «СТОЛИЧНОСТИ»
И ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖИТЕЛЕЙ САМАРЫ**

И. Ю. Окунев, Н. И. Еряшев¹

В статье рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование идентичности жителей г. Самары. Исторические сведения времен Гражданской и Великой Отечественной войн сопоставляются с восприятием жителями этих событий. В работе дается трактовка полученных в ходе интервью данных. Раскрывается зависимость между субъективными факторами и отражением событий разных, по сути, эпох в сознании горожан. В конце делаются выводы о влиянии исторического контекста на самоидентификацию жителей г. Самары.

Ключевые слова: территориальная идентичность; столицы; историческая память; география.

Конец XX в., по мнению многих экспертов, явился завершением той эпохи истории человечества, которая характеризовалась наличием масштабных идеологий (*grand ideologies*). На смену им пришли мифы и нарративы, которые объединяют те или иные общности и одновременно могут служить критериями их выделения [1, 9]. В частности, возрастает роль такого явления, как «территориальная идентичность», изучение которой – один из центральных вопросов современной политической географии. Тематике территориальной идентичности посвящены работы многих отечественных и зарубежных географов: О. И. Вендиной, Д. Н. Визгалова, А. А. Гриценко, Д. Н. Замятина, Н. Ю. Замятиной, В. Н. Калуцкова, В. А. Колосова, М. П. Крылова, А. Г. Манакова, И. И. Митина, С. Г. Павлюка, Н. В. Петрова, К. А. Пузанова, М. В. Рагулиной, Л. В. Смирнягина, В. Н. Стрелецкого, А. А. Ткаченко, Р. Ф. Туровского, У. Зеленского, Э. Рельфа, И-Фу Туана, Г. Харда, Р. Хейл и других.

¹ Окунев Игорь Юрьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Центра региональных политических исследований. E-mail: iokunev@mgimo.ru. Еряшев Никита Игоревич – студент МГИМО МИД России. E-mail: erjaschew.nikita@yandex.ru.

© Окунев И. Ю., Еряшев Н. И., 2018

Идентичность является выражением принадлежности человека к определенной общности. Выделяются два типа идентичности, связанных с принадлежностью к географическим координатам: территориальная и пространственная. Территориальная идентичность основывается на свойствах территории, в рамках которой она формируется. Например, горские элементы будут у жителей гор, а приморские – у жителей на берегу морей. Хотя любая идентичность конструируется на индивидуальном уровне, территориальная утверждается именно через социальную деятельность как коллективная. Такая идентичность вытекает из представлений об общности людей, проживающих на единой территории, которых объединяют свойства данной территории. Связи с единым местом проживания формируют общие интересы, что сплачивает группу. Основой территориальной идентичности служит т.н. культурный ландшафт, т.е. совокупность уникальных ментальных и культурных образов места. В рамках такой общности действуют механизмы монополизации пространства и исключения из него других. При первом обосновывается исключительное право общности на данную территорию в силу ее особой идентичности, а при второй любые внутренние элементы, не разделяющие идентичность, вытесняются на периферию социума. По уровню территориальная идентичность делится на локальную, региональную, национальную (государственную) и цивилизационную (континентальную).

Пространственная идентичность вытекает не из свойств места, а из его положения в пространстве, из системы его связей относительно других объектов. Таким образом, она выражает появление устойчивых связей различного характера поверх свойств конкретного места. Так, жители г. Санкт-Петербурга будут говорить, что живут в городе, являющимся «окном в Европу». Сама Невская губа Балтийского моря не является «окном в Европу», однако для пространственной структуры России она играла именно такую роль. Когда жители г. Самарканда говорят о том, что город представляет собой перекресток культур, они характеризуют не существующие в нем музеи и памятники, а его бывшее положение на торговых путях, предопределившее смешанное цивилизационное положение. Тем самым, можно сказать, что территориальная идентичность связана с абсолютным пространством, а пространственная – с относительным.

М. Китинг выделял три степени актуализированности пространственной идентичности. На первом – когнитивном – через соположение места с соседними происходит осознание его специфичности и географических пределов. На втором – эмоциональном – формируются устойчивые метальные механизмы воспроизводства идентичности. Наконец, на третьем – инструментальном – идентичность начинает использоваться для политической мобилизации.

Иногда говорят также об особом уровне пространственной идентичности – геополитическом, т.е. об идентификации человеком себя и своего места жительства относительно глобальных геополитических раскладов и систем.

Так, в Молдавии сторонниками интеграции с Россией стали не только русские жители Приднестровья, но и культурно более далекие гагаузы и болгары. Через дискурс о геополитическом выборе ориентации на Европу или Россию в многосоставном молдавском обществе актуализировалась политическая дискуссия о формах национального строительства в молодом государстве. Европейский выбор стал маркером мажоритарной модели национального строительства, предполагающей построение этнической нации на основе молдавского этноса. В его наиболее крайней форме он агитирует за объединение страны с Румынией и отождествляет молдавский этнос и язык с румынским. Основными адептами такой интерпретации выступают собственно румыны и религиозное меньшинство молдаван-прихожан Румынской православной церкви. Российский (или нейтральный) выбор стал маркером консциативной модели национального строительства, основанной на построении политической нации, предполагающей сбалансированное участие всех этнических и религиозных групп в политическом процессе. С разной степенью интенсивности он поддерживается этническими меньшинствами Молдовы (русскими, украинцами, гагаузами, болгарами) и частично молдованами-прихожанами Русской православной церкви.

В ходе крымского кризиса в глобальном идейно-информационном соперничестве одно из ключевых мест занял дискурс о цивилизационных различиях России и Европы, который можно обобщить как «Россия – это не Европа» (и наоборот). Таким образом, международный политический конфликт оказался интерпретирован через антагонизм пространственных образов Европы и России / Евразии, а следовательно, стал конструктивно геополитическим. Происхождение данного дискурса, по-видимому, относится еще к середине XV в., когда христианская построманская идентичность (границы распространения которой включали и Древнюю Русь) дополняется пространственной характеристикой, формируя современные границы «европейской» цивилизации. Это связано с почти одновременным успехом Реконкисты на Пиренеях и падением Константинополя на Балканах, в результате чего границы христианского мира начинают больше совпадать с географическими границами континента. В то же время подобный пространственный образ актуализует необходимость оформления восточной границы европейской цивилизации, которая может быть только ментальной, а не географической. Ордынское иго на Руси в то время и попытка формирования национальной идеи нового московского государства через позиционирование себя в качестве наследницы Византии стали причинами, оформившими данную ментальную границу. Она пролегла между католической Западной Европой и православной Россией, образовав буферную серую зону на территориях славянских, балтийских и финно-угорских народов. Данный дискурс, будучи импортированным в Россию в XVIII в., стал ключевой дихотомией российской внешней политики (извечный спор западников и славянофилов). В последнее

время данный дискурс оказался переосмыслен и редуцирован с «Россия – это не Европа» до «Россия – это анти-Европа» (и наоборот), что привело к эскалации конфликта вдоль всей ментальной границы Европы и России (в первую очередь, на Украине, в Грузии и Молдавии). Гражданская война на Украине привела к оформлению мифа о двух государствах, вышедших из ядра Древней Руси, – европейского, демократического украинского, и восточного, деспотичного российского. Антагонизм двух образований привел к реинтерпретации на Украине европейской идентичности как антироссийской. Данный спор породил схожие дискурсы о «европейскости» Молдовы, Беларуси, Грузии, Армении как культур, альтернативных азиатской России.

Человек является носителем одновременно множества идентичностей. Он помнит, из какой деревни или района города он родом, гордится регионом своего жительства, своей родиной, ощущает свою причастность к крупным цивилизационным структурам. Однако все эти различные идентичности пассивны, пока их не актуализирует внешняя сила. Скажем, мы вспоминаем о нашей национальной идентичности по государственным праздникам, о региональной, когда нашей земле угрожает опасность, а о локальной, когда ностальгируем о родном доме.

В данной работе анализируется влияние ключевых событий истории страны через призму восприятия жителей одного из регионов, имеющих непосредственное к ним отношение. Предметом исследования стало формирование идентичности жителей г. Самары. Кейс Самары интересен тем, что он предоставляет возможность проведения сравнительного анализа. Исторически сложилось так, что Самара была столицей два раза – один раз в период Гражданской войны, когда там собралось значительное число депутатов Учредительного собрания, которые после разгона его большевиками договорились образовать учредительный орган в первом же городе, где это станет возможным. Второй раз столицей стал г. Куйбышев, куда в период наступления немцев к Москве были эвакуированы некоторые органы власти, дипломатический корпус, а также значительная часть промышленных мощностей.

Столичность в определении Д. Н. Замятина – онтологический атрибут, преобразующий, трансформирующий внешние, физико-географические приметы и признаки положения (горная котловина, плато, бескрайняя равнина, остров, предгорье, излучина реки или слияние рек, берег морского залива и т. д.) в мощный – иногда единый, а иногда дуалистический – мифологический нарратив, обладающий целенаправленной сакральной энергетикой, подпитывающей властные дискурсы [3, 23–28]. Продолжая развивать эту логику, В. Россман отмечает, что столицы – это не только место расположения органов государственной власти; в их функции входит «представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре» [7, 35–36]. Символическое значение столичности, превалирующее над инсти-

туциональным, открывает перспективы для использования данного капитала локальными сообществами, далекими от мест расположения органов государственной власти. Можно выделить следующие типы использования нарратива о столичности в формировании локальной идентичности [5, 93–94].

Во-первых, это нарратив о бывшей столице. В российском случае это не только классический пример г. Петербурга, но более сложные случаи г. Новгорода и Владимира, о которых сложно говорить как о столицах именно Российского государства. В этот же ряд можно занести г. Старую Ладугу, которая приютила Рюрика еще до появления централизованного славянского государства, но активно использует этот бренд с петровских времен как легитимирующий смещение ядра российской государственности на северо-западное пограничье. Здесь же можно упомянуть и столицы государств, вошедших в состав России (Астрахань, Биляр, Казань, Касимов и т.д.) а также Александров Ивана Грозного, Омск Колчака, Куйбышев Сталина и другие подобные примеры. Данный нарратив соседствует в локальном дискурсе с представлениями о золотом веке города и актуализует историческую память горожан.

Даже малоизвестный нарратив может обыгрываться в таком ключе горожанами. Так, Вязьма (Смоленская область) с 21 октября 1654 г. по 10 февраля 1655 г. была фактической столицей России, когда царь Алексей Михайлович перевел ее сюда из Москвы, где свирепствовала чума. Ярославль в 1612 г. при польской оккупации Москвы в Смутное время стал фактической столицей страны, где были сформированы временное Земское правительство (Совет всея земли) и его вооружённые силы (Народное ополчение). Другой пример фантомной памяти о столице – Таганрог (Ростовская область). Город являлся фактической «столицей» Российской империи с сентября по ноябрь 1825 г., во время проживания в нем императора Александра I; в 1918–1919 гг. был ставкой (практически – столицей) А. И. Деникина, стоявшего во главе вооруженных сил Юга России. Наконец, г. Таганрог планировался Петром Первым в качестве столицы России, но из-за военных поражений от этой идеи пришлось отказаться в пользу Санкт-Петербурга.

Во-вторых, можно говорить о региональных столицах (Урала, Сибири, Поволжья и т.д.). В данном случае предпринимается попытка переноса центр-периферийной модели государственного устройства на региональный уровень, выстраивания внутренней дихотомии развития в рамках более узкого региона страны. В данном ключе интересными кажутся региональные «дерби» за статус местной столицы между Пермью, Екатеринбургом и Челябинском, Ставрополем и Пятигорском, Сочи и Краснодаром, Новосибирском, Омском и Красноярском, Хабаровском и Владивостоком. Схожими случаями представляются ранговые столицы (вторая, третья, четвертая). Так, для определения официальной третьей столицы России даже был организован специальный конкурс, по итогам которого Казань лишь ненамного опередила Нижний Новгород. Подобное позиционирование помогает выстраивать ие-

рархическую структуру пространства, организовывать и соподчинять в ней единицы пространства и их локальные бренды.

В-третьих, можно говорить о переносе идеи столичности на нарратив об исключительности. В таком ракурсе почти каждый город позиционирует себя как столица русских пряников, огурцов, самолетостроения и т.д. Вот список основных столиц в таком понимании этого термина в России:

Наконец, в-четвертых, существуют альтернативные (запасные, дипломатические) столицы, которые определяются во время кризисов государственности. Такими примерами в России могут служить г. Уфа (столица Директории), г. Омск (белая столица Колчака), Вологда (дипломатическая столица гражданской войны) и г. Самара. Последний кейс особенно интересен тем, что столичность в нем была представлена в течение одного века дважды.

Исследование самарского случая проводилось на основе экспертных интервью, взятых у представителей общественности, органов власти и туристического бизнеса. Сбор материалов велся в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П. В. Алабина, Музее истории г. Самары им. М. Д. Челышова, Самарском военно-историческом музее Краснознаменного Приволжско-Уральского военного округа, Доме-музее М. В. Фрунзе, Музее «Бункер Сталина», Музее «Бункер Жукова», Музейно-выставочном центре «Самара космическая», Музее модерна (в здании посольства Швеции в годы Великой Отечественной войны), Музее «Куйбышев – запасная столица» в школе №178 и в Музее «Парад 7 ноября 1941 г. в г. Куйбышеве» в Техническом лицее г. Самары. Среди респондентов были представители регионального отделения Общероссийского народного фронта, Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, Самарского государственного социально-педагогического университета, Самарского государственного медицинского университета, Самарского государственного экономического университета, Самарского государственного института культуры, Самарской областной универсальной научной библиотеки, Историко-эко-культурной ассоциации «Поволжье», Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Самарской областной писательской организации. Негосударственный сектор был представлен сотрудниками СМИ из сетевого издания «Волга Ньюс», газет «Волжская Коммуна» и «Самарское обозрение» и специалистами туристической компании «Профцентр», туристического агентства «Водолей» и Центра туризма и отдыха «УРА» (23 респондента).

На основе взятых интервью была построена дискурсивная картина. Выяснилось, что с первым периодом знакомо экспертное сообщество, тогда как в дискурсе остальных групп преобладал только второй. На основе полученных данных мы задались вопросом, почему миф о «дипломатической столице» больше известен, чем миф о «демократической столице»?

Перенос столицы в г. Куйбышев в период Великой Отечественной войны был связан с совокупностью различных социально-экономических и географических факторов. Куйбышев был центром железнодорожных путей, также ключевое значение имел водный транспорт. Город был расположен на левом берегу р. Волги, которая была естественным препятствием на пути фашистских захватчиков. При этом город был достаточно близок для того, чтобы осуществить туда эвакуацию. Все это повлияло на принятие решения о переводе дипломатического корпуса в Куйбышев, нашедшего отражение в Постановлении об эвакуации столицы СССР Москвы от 15 октября 1941 г. [2, 506]. После начала войны в Куйбышев были эвакуированы Комитеты по нефтяной и сланцевой промышленности. В город переместились Президиум Верховного Совета СССР, часть ЦК и Наркоматы, в том числе и Наркомат иностранных дел с дипломатическим корпусом. В Куйбышеве началась активная работа по введению в эксплуатацию эвакуированных туда промышленных мощностей. В районе «Безымянка», в том числе с помощью труда заключенных, был построен авиастроительный завод, эвакуированный из Воронежа. Несколько заводов были эвакуированы из Ленинграда. Иными словами, толчок развитию промышленности города был дан именно в период Великой Отечественной войны.

Однако на тот момент развитие индустрии не отразилось положительно на жизни граждан. Выделение зданий под посольства, как и приезд инженеров, рабочих и их семей дало начало политике уплотнения. Резкое увеличение численности населения заставило власти ввести карточное снабжение. Значительную часть тягот взяли на себя женщины. На заводе в районе «Безымянка», который был оторван от основной части города, рабочие трудились по 12 часов. Ночевать оставались там, так как дорога занимала длительное время.

После победы в Великой Отечественной войне город стал центром развития космической промышленности. Это обусловило получение им статуса «закрытого» города. В таких условиях миф о «запасной столице» был обречен на исчезновение, до начала политической и социальной трансформации в СССР.

Самара знает еще один период, когда город получил «столичный» статус. В 1918 г., после разгона Учредительного собрания, его члены договорились собраться в первом городе, где это было бы возможным. Изначально в Самаре мирным путем была установлена большевистская власть, однако восстание Чехословацкого корпуса, начавшееся в мае 1918 г., привело к свержению органов советской власти и созданию Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания [8]. Власть КОМУЧа распространялась на несколько приволжских губерний. В Самаре, как столице, были созданы свои министерства, ведомства, отсюда велись контакты с границей [4, 75]. Хотя сначала в городе было всего три депутата, постепенно туда приехало около ста

членов Учредительного собрания. Таким образом, можно утверждать, что в городе вело свою деятельность легитимное демократическое правительство.

Однако в силу противоречивой повестки дня оно не смогло создать прочную социальную базу. Провозглашался лозунг «земля крестьянам», но они должны были вернуть те участки, которые были отобраны у помещиков. Заводы возвращались промышленникам, при этом устанавливался восьмичасовой рабочий день. Члены КОМУЧа хотели оставить символом страны красное знамя, но это очень не понравилось казакам. В итоге демократические силы, не пойдя на сближение с белыми, были вынуждены оказывать сопротивление большевикам в одиночку. В дальнейшем, после отступления, члены КОМУЧа приняли участие в формировании «Уфимской директории», после чего были расстреляны силами Колчака [4, 135].

Таким образом, период Гражданской войны также являлся временем, когда Самара носила «столичный» статус. Свою роль здесь опять же сыграла география: мятеж Чехословацкого корпуса, начавшийся в Мариинске, быстро распространился на западную часть страны. Свою роль здесь сыграл Южно-Уральский ход Транссибирской магистрали, позволивший корпусу быстро передвигаться и освободить города от советской власти. Впоследствии Самара стала наиболее удачным пунктом с точки зрения организации пространства, в том числе и за счет р. Волги.

Однако память об этих двух событиях актуализируется по-разному. С первым периодом знакомы лишь представители экспертного сообщества – краеведы, профессора, тогда как в дискурсе остальных групп (представители власти, бизнеса) преобладал второй. Первичный ответ на вопрос «Хорошо ли Вы знакомы с периодом истории Самары как запасной столицы?» был связан именно с Великой Отечественной войной. То же направление мысли прослеживается и в литературе, посвященной данной теме [6].

Почему именно эта история о столице находится в центре городской идентичности? С одной стороны, можно утверждать, что период ВОВ ближе к сегодняшнему с точки зрения временной перспективы. Действительно, память человека склонна забывать те события, которые произошли раньше. Уходят поколения, исчезают и воспоминания. Однако миф о «дипломатической столице» даже не проникал в сознание жителей до начала периода либерализации в СССР. Невозможно вообразить, чтобы кто-либо вспомнил о столичном статусе города в тот период, когда он был закрытым. Кроме того, если рассмотреть период правления Ельцина, логично предположить, что миф о «демократической столице» имел не меньше шансов на формирование вокруг него городской идентичности. Почему же этого не произошло? Для понимания этого важна не сама история, а политический контекст, связанный с воспоминанием о ней. Гражданская война традиционно воспринимается как событие, связанное с разобщением нации, в то время как ВОВ – наоборот, является событием, наложившим неизгладимый отпечаток на сознание со-

временных россиян. 1990-е гг. явились скорее не временем демократизации, но периодом упадка, слабости и разобщенности страны, население которой привыкло воспринимать себя как великую общность. Величие как раз и ассоциируется с победой в Великой Отечественной войне, поэтому история о самарской «столичности» активно используется властями города, а также сохраняется в памяти его жителей.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001. 288 с. [Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / Transl. from English by V. Nikolaeva; Introduction by S. Ban'kovskaya. Moscow, 2001. 288 p.].
2. *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. [Gor'kov Yu.A. State Defense Committee Decrees (1941–1945). Figures, Documents. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2002.].
3. *Замятин Д. Н.* Феномен/ноумен столицы: историческая география и онтологические модели воображения // Перенос столицы: исторический опыт геополитического проектирования: материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. [Zamyatin D.N. The Phenomenon/ Noumenon of the Capital City: Historical Geography and Ontological Models of Imagination // Transfer of Capital City: Historical Experience of Geopolitical Engineering. Proceedings of the Conference, October 28–29, 2013 / Ed. by I.G. Konovalova. Moscow: Institute of World History, Russian Academy of Sciences Publ.; Akvilon Publ., 2013].
4. *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 294 с. [Ioffe G.Z. Kolchak's Venture and its Collapse. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 294 p.].
5. *Окунев И. Ю.* Столицы в зеркале критической геополитики: монография. М., 2017. 208 с. [Okunev I.Yu. Capital Cities in a Critical Geopolitics Mirror: Monograph. Moscow, 2017. 208 p.].
6. *Павлов А.* Запасная столица. Самара: Самарский Дом печати, 1995. 96 с. [Pavlov A. Reserve capital city. Samara: Samarskiy Dom pechati Publ., 1995. 96 p.].
7. *Россман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М., 2013. 336 с. [Rossman V. Capital Cities: their Diversity, Patterns of Development and Transfer. Moscow, 2013. 336 p.].
8. *Салдугеев Д. В.* Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 1. № 2. [Saldugeev D.V. Czechoslovak legion in Russia // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2005. Vol.1. No. 2].

**HISTORICAL NARRATIVE OF “CAPITALNESS”
AND THE FORMATION OF SAMARA RESIDENTS’ IDENTITY**

I. Yu. Okunev

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of Comparative Politics, MGIMO University,
Senior Research Fellow, Center for Regional Political Studies

N. I. Eryashev

Bachelor Student, MGIMO University

The article discusses the factors that influenced the formation of the identity of Samara’s residents. Historical facts from the periods of the Civil War in Russia and the Great Patriotic War are compared with the residents’ perception of these events. The work contains an interpretation of the data received from the interviewees. The authors show the links between subjective factors and the way events from, in fact, two different epochs are reflected in people’s memory. Conclusions about the influence of the historical context on the self-identification of Samara’s residents are drawn.

Keywords: territorial identity; capitals; collective memory; geography.